

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

М. И. Воейков

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы развития политической экономии, которые в последние годы находятся в центре внимания российского научного сообщества. Автор видит свою задачу в определении круга таких вопросов и выработке методологии подхода к их обсуждению, отнюдь не претендуя на их окончательное решение.

Положение с политической экономией

Политическая экономия в России имеет давнюю традицию, но в постсоветский период эта традиция была резко, почти административным путем нарушена. В вузах многие кафедры политэкономии теперь переименованы и преподают в основном макро- или микроэкономике с начатками «общей теории». Исчезла специальность «политическая экономия» и в диссертационных советах. В общем, политэкономы превратились в вымирающих животных. Правда, некоторые политэкономы пытаются, пока безуспешно, бороться за существование своей науки. Еще в конце 2002 г. группа известных ученых обратилась к тогдашнему министру образования Российской Федерации с письмом, где говорилось о необходимости «в государственных стандартах восстановить политическую экономию как общетеоретическую дисциплину и как науку в российской классификации наук» [4, с. 205; 9, с. 102]. Среди подписавших это письмо были такие известные и авторитетные ученые, как академики РАН Л.И. Абалкин и А.Г. Аганбегян, доктора экономических наук Д.В. Валовой, Р.С. Гринберг, А.Г. Поршнева, А.А. Пороховский, В.Т. Рязанов, Д.Е. Сорокин, И.И. Столяров, А.А. Шулуш, Ю.В. Якутин и другие. Всего 28 человек. Но ничего не помогло, и до сих пор ничего не восстановили.

В этой связи возникают естественные вопросы. Может быть, действительно политическая экономия представляет собой устаревшую научную дисциплину, остаток идеологических схем советского периода? Может быть, политэкономии нужно также отбросить (или преодолеть), как она почти «преодолена» в западной англоязычной литературе? А если сохранять и восстанавливать политэкономии «как общетеоретическую дисциплину», то, собственно, какую? Советского периода или какую-то другую? Очевидно, что советскую политическую экономию, плотно пропитанную идеологическими догмами своего времени, в полном объеме восстанавливать сегодня невозможно. Можно, наверное, было бы освободить ее от этих догм и

преподавать «зерна истины», которые там наверняка есть. Но как отделить догмы от зерен? Как найти согласие большинства научного сообщества по этому вопросу? Все это, видимо, потребует многих лет, а то и десятилетий научных дискуссий. Восстанавливать старую политэкономии времен М.И. Туган-Барановского, очевидно, бесперспективно в начале XXI в., хотя там тоже много (и даже больше, чем где бы то ни было) «зерен истины». А импортировать зарубежную политическую экономию невозможно, ибо ее там просто нет. Все эти вопросы довольно существенны. И, думается, совершенно прав Д.Е. Сорокин, когда ставит вопрос с обнаженной ясностью: «Политическая экономия может лишиться статуса отрасли научного знания, лишь если доказано, что изучаемые ею связи не существуют, или что они для своего познания требуют принципиально иного, нежели тот, которым располагает политэкономия, научного инструментария... Таким образом, необходимо выяснить: существует ли в объективной реальности тот предмет (объект) исследования, который может быть научно освоен исключительно в рамках политико-экономического подхода?» [35, с. 79]. И это, действительно, самое главное. Вопрос, стало быть, упирается в предметное поле политической экономии. Изменилось ли оно или нет?

Может ли меняться политическая экономия?

Ведь как ни уважай и ни цени политэкономии, нельзя же думать, что роль, значение и функции политической экономии всегда и везде неизменны. Но если меняется роль политической экономии, то как именно? И вообще, может ли какая-либо наука меняться? Развиваться, совершенствоваться, расти, естественно, может. Но меняться так, что современное ее состояние оказывается мало похожим на то, что было 200 лет назад, или, как воскликнул В.А. Медведев в ходе одной дискуссии, «произошло нечто невероятное — наука перестала существовать» [24, с. 290]. Как, например, *economics* заменила политическую

экономии. Это одна и та же наука или разные? Все эти вопросы продиктованы не только гримасами сегодняшней идеологической жизни, когда одну тоталитарную идеологию пытаются заменить другой — почти тоталитарной. Или вообще предлагают жить без всякой идеологии, как живет крупный рогатый скот — его легко и удобно вести на убой в нужное время и в нужном месте. Неужели граждан нашей страны кто-то хочет превратить в такой скот?

Таким образом, чтобы ответить на вопрос — может ли изменяться политическая экономия, нужно проанализировать изменения той экономической реальности, которую эта наука описывает. Трудно оспорить факт изменения экономических систем за 100 или 200 лет. То общество, которое описывал А. Смит в своем знаменитом «Исследовании...», разительно отличается от современного западного общества. Значит, и наука в чем-то должна измениться.

Но есть и другое обстоятельство. Во времена А. Смита экономическая наука и политическая экономия не различались, выступали как синонимы. Сначала полагали, что она изучает богатство народов, все народное хозяйство, всю экономическую систему. Постепенно по мере дифференциации экономических наук стали суживать и предмет политической экономии. В советской политэкономической парадигме утвердилось положение о предмете политической экономии как науки, «изучающей систему общественно-производственных (экономических) отношений, т. е. отношений между людьми, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, экономические законы функционирования и развития исторически определенных общественно-экономических формаций» [2, с. 277]. Другие авторы предлагали несколько иные определения предмета политической экономии, далеко не отступая от вышеприведенной формулы. Однако это определение, возможно, и правильное, но настолько общее, что в нем тонет специфика собственно политической экономии. Например, отношения между людьми в процессе производства изучает также и «экономика труда», которая в чем-то, конечно, соприкасается с политической экономией, но все же это другая наука. При этом обратим внимание, что эти производственные отношения рассматривались в «процессе материального производства». Такого рода представления сохранились до самого последнего времени. Так, в одном из свежайших учебных пособий сказано: «Объектом изучения политической экономии является, пре-

жде всего, материальное производство» [23, с. 11]. А как быть со сферой услуг, транзакционным сектором и т. п.? Такого рода определения очень затрудняют выявление специфики все же именно политэкономического исследования. Таким образом, до сих пор консолидированного мнения большинства специалистов о предмете политической экономии нет. И были все основания у Й. Шумпетера заметить, что «термин «политическая экономия» разные авторы трактуют по-разному» [42, с. 25]. И это действительно так.

Политическая экономия и гражданское общество

Тем не менее, мало кто из специалистов будет возражать против утверждения, что политическая экономия, возможно, та единственная наука, которая дает понимание глубинных основ общества, в котором живешь, гражданской позиции, динамики общественного развития.

Отмена политической экономии как научной и вузовской дисциплины очень выгодна тому правящему классу, который хочет навязать свою правоту всему остальному населению как раз в тот момент, когда этот класс переходит к разворачиванию именно товарно-капиталистических отношений. А без политэкономического знания население неспособно ни понимать экономического устройства общества, ни активно принимать участие в его совершенствовании. Об этом еще в самом начале XIX в. писал Ж.-Б. Сэй: «В стране, пользующейся представительным правлением, каждый гражданин обязан изучать политическую экономию уже потому, что там каждый призван к участию в обсуждении государственных дел» [37, с. 24]. Так, по Ж.-Б. Сэю выходит, что каждый гражданин обязан изучать политическую экономию, если хочет быть активным участником гражданского общества. Т. е. гражданское общество и политическая экономия органически связаны. Уместно здесь привести и слова К. Маркса, «что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [19, с. 6]. Политическая экономия, таким образом, объясняет классовое состояние общества и классовое распределение социального продукта. И в этом случае замена политической экономии неоклассической либеральной экономической теорией очень удобна, ибо последняя социальную проблему представляет как индивидуализированную проблему отдельных людей, «имеющих дело с ограниченностью ресурсов (редкостью) и одинаково озабо-

ченных лишь максимизацией полезности хозяйственных благ» [39, с. 100].

Вместо классов и социальных слоев в центре экономической науки оказывается методологический индивидуализм.¹ Однако сколько бы ни говорили о том, что классовое расслоение общества и классовая борьба уходят в прошлое, однако сами классы и классовая борьба в реальности остаются. Сказ о социальном партнерстве так и остался мифом, не вытеснив забастовочного и протестного движения во многих странах мира. И Россия в этом смысле превращается в обычное капиталистическое общество, даже более отсталое и дикое, раздираемое именно и прежде всего классовым противостоянием.

Современное общество, и западное, и российское, вопреки мнению неоклассической экономической теории состоит не из атомизирующихся индивидов², а из определенных социальных групп, слоев, страт или классов. Ибо экономическое поведение каждого человека определяется не совершенно уникальными и неповторимыми складками его одежды, т. е. не каким-либо случайным образом, а под воздействием объективных факторов его жизни, и прежде всего — под воздействием участия в общественном производстве. А в этом производстве люди и объединяются даже помимо своей воли и сознания в определенные классы, группы или слои. Для русской социально-экономической литературы в свое время все это доступно разъяснил еще Г.В. Плеханов. В лучшем своем произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он писал: «Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собою определенную группировку людей в общественном производительном процессе, т. е. определенные отношения производства, т. е. определенную структуру всего общества» [21, с. 644]. Это положение довольно прочно утвердилось в отечественной социальной науке с начала XX в. Мало кто отваживался его опротестовывать. Наоборот, в отечественной политической экономии развивалось и углублялось положение о классовой структуре буржуазного общества.

Итак, чтобы изучать общество и понимать, что и как там происходит, надо это общество

структурировать, или, как говорят социологи, стратифицировать. То есть для продуктивного изучения общества и его динамики необходимо делить или раскладывать общество на группы, слои, классы. Еще в начале XX века это отмечал П. Струве: «Понятие „класс” есть попытка для сложной системы многообразных текучих общественных отношений указать как бы точку кристаллизации, выделить такое единство, какое могло бы мыслиться как верховный субъект и деятель этих отношений. Это вполне законная операция, но необходимо помнить ее границы и смысл» [36, с. 75]. Собственно говоря, ученые и политики всегда общество делили на классы, слои и группы. Как бы не относиться к классовому подходу в изучении общества — любить его или не любить — однако в практике его используют все, даже его противники. Скажем, все делят общество на класс богатых и бедных, хозяев и наемных работников, работодателей и обладателей рабочей силы и т. д. Вот это классовое общество и есть предмет исследования политической экономии.

Сделаем некоторые промежуточные выводы. Политическая экономия изучает общественное производство и отношения, которые при этом возникают, как отношения не атомизированных индивидуумов, а объединенных в большие социальные группы, т. е. в классы. Политическая экономия есть, таким образом, наука о классовом обществе. Исчезновение классов должно неминуемо вести и к исчезновению политической экономии. Поэтому политэкономический метод изучения общества состоит в классовом анализе этого общества. Метод политической экономии — это не только восхождение от абстрактного к конкретному, диалектика и т. п., но прежде всего классовый анализ.

В свое время в буржуазном или капиталистическом обществе имелись два основных класса: рабочие и капиталисты. Имелись, конечно, и другие классы и слои. Но по мере развития современного буржуазного общества его социальная структура усложняется, численно рабочий класс сокращается. Основным классом становится средний класс. Это противоречит старой марксистской догме, что в конечном счете в капиталистическом обществе останутся только два класса. Впрочем, эта догма в самой же марксистской литературе была преодолена уже в конце XIX — начале XX вв. Тогда же был поставлен вопрос о кризисе политической экономии.

¹ Серьезный критический анализ такого методологического подхода содержится в цикле работ А. Я. Рубинштейна (см. [33]).

² В предисловии к книге Ф. Хайека сказано: «Не существует ни классов, ни общества как таковых, есть только индивиды» [41, с. 23].

Политэкономия и буржуазное общество

И, наконец, приведем одно важное положение Р. Люксембург: «Политическая экономия возникает как одно из важнейших идеологических орудий буржуазии в борьбе против средневекового феодального государства, за современное капиталистическое классовое государство» [17, с. 93]. Здесь просится аналогия с современным российским государством, которое отменило (или запретило?) преподавание политической экономии в наших вузах. Оно что, боится, что российская буржуазия использует политэкономия как «важнейшее идеологическое орудие» против феодального государства? Так что — Россия под лозунгами модернизации и инновации строит средневековое государство? Вот какие ассоциации вызывает чтение старых политэкономических текстов. Наверное, действительно, политическая экономия — опасная наука для феодалов.

Сегодня российское общество опять является буржуазным, капиталистическим обществом. Значит, должно сохраняться противостояние классов. В России в силу ее специфики и особенностей исторического развития в настоящее время наиболее активными классами (или слоями) общества являются: (а) владельцы крупных капиталов («олигархи»); (б) бюрократический класс; (в) трудящиеся классы [11]. И именно социальный конфликт (или социальная проблема) между этими классами как основной конфликт в распределении социального продукта и должен быть предметом изучения политической экономии. Если такого конфликта нет, то, стало быть, и политической экономии изучать нечего. Стало быть, и политическая экономия уже не нужна. Социальная проблема, т. е. проблема социального неравенства людей, проблема распределения социального продукта остается; противоречия между трудом и капиталом если и не принимают взаимоуничтожающих форм, все же существуют. Причем эти проблемы сохраняются как основные проблемы общественной жизни. Остаются, стало быть, и функции политической экономии. На эту функцию политической экономии еще в начале XX в. указал С.Н. Булгаков: «Социальный вопрос — вот главная и даже единственная проблема, определяющая все содержание политической экономии, ее нравственный центр» [7, с. 276]. Но классовый конфликт в современной России есть. И в декабре 2011 — марте 2012 г. он вылился на улицы крупных городов в виде массовых митингов, организуемых по четкому

классовому признаку. Это означает, что политической экономии есть что изучать в современной буржуазной России.

Политическая экономия и идеология

Политэкономическое исследование — это не только и даже не столько сугубо экономическое исследование материального процесса. Последним занимаются конкретные экономические дисциплины — или отраслевого разреза (экономика промышленности, экономика транспорта, экономика туризма, экономика строительства и т. п.), или народнохозяйственного (финансы и кредит, денежное обращение, экономическое планирование, размещение производительных сил и т. п.). Этим, наконец, призвана заниматься экономикс. Политическая экономия изучает преимущественно идеологию этого процесса, то есть, что и как отражается в головах и поведении людей в связи с их отношениями по производству вещей. Ведь производственные отношения проявляются в человеческом поведении, а осмысление это процесса в головах. За производством вещей политэкономия видит людей и объясняет их действия. Таким образом, политическая экономия состоит из различных концепций и воззрений, которые интерпретируют живую материю экономического процесса и служат основой для формирования той или иной экономической политики. В конце концов, политическая экономия — это идеологическая и политическая наука. «Ведь идеология, — справедливо писал венгерский экономист Г. Рипп, — по сути своей является осознанием с точки зрения определенного класса его положения в обществе и содержания социальных конфликтов» [29, с. 19-20].

Конечно, это не означает, что политическая экономия должна отражать или выражать только идеологию «марксизма-ленинизма», как, видимо, думают ее гонители. Идеологий, в том числе экономических, множество. Наука, которая отражает (точнее — формирует) экономическую идеологию буржуазного общества, ее разрабатывает, развивает, и носит название политической экономии. Если изъять из политической экономии идеологические и политические сюжеты, по необходимости все сведется к экономикс. Это, собственно говоря, и происходит в западной (англоязычной) литературе, где политические и идеологические проблемы все больше отходят к политологии или социологии.

Политэкономия на Западе

Известно, что в ведущих англоязычных странах политической экономии как таковой сегодня нет. Конечно, что-то еще есть. Например, «радикальная политическая экономия» или журнал «Journal of Political Economy». Но вот учебника «Политическая экономия» на английском языке найти нельзя или очень трудно. И нет там политэкономов¹. Думается, во всем этом есть какая-то фундаментальная составляющая. Хотя, с другой стороны, функции классической политической экономии далеко еще не исчерпаны. Но вот все это показать и доказать довольно трудно. Неисчерпанность политической экономии сегодня можно обнаружить хотя бы в том, что рыночная экономика, товарно-капиталистические отношения продолжают господствовать в подавляющем большинстве стран мира. Рынок везде функционирует более или менее одинаково, и объяснять все это призвана одна наука — политическая экономия.

Вместе с тем, можно отметить, что за последние 5-6 лет на Западе резко и бурно возродился интерес к традиционной политической экономии. Об этом свидетельствует множество книг, выходящих в последние годы, где в названии присутствуют слова «политическая экономия» [26, с. 54]. А также деятельность, созданной в 2006 г. международной организации с таким названием «Международная инициатива по развитию политической экономии» (*International Initiative for Promoting Political Economy* — ИИПЭ), которая объединяет множество так называемых гетеродоксальных экономистов, т. е. тех, кто не приемлет неоллиберализм в экономической теории или «неоклассическую ортодоксию». Эта международная организация в мае 2011 г. в Стамбуле провела внушительную научную конференцию на тему «Неолиберализм и кризис экономической науки» [12]. В июле 2012 г. эта международная организация совместно с Гетеродоксальной экономической ассоциацией (АНЕ) и Французской политэкономической ассоциацией (FAPE) провела в Париже (в Экономическом центре Уни-

верситета Сорбонна) внушительную научную конференцию на тему «Политическая экономия и взгляд на капитализм». Конференция собрала около 800 участников из более чем 50 стран мира. В российскую делегацию, по результатам отобранных программным комитетом конференции заявок на участие и подготовленных докладов, вошли 9 представителей отечественной экономической науки. На конференции работали 146 параллельных секций, непосредственно относящихся к политической экономии: политическая экономия развития; политическая экономия и гетеродоксальная экономическая наука; политическая экономия бедности и неравенства; политическая экономия труда; политическая экономия торговли и множество других аналогичных секций.

Возрождение политэкономии в России

В 2009 г. академик Л.И. Абалкин писал: «Современное возвращение к политической экономии — трудный и мучительный процесс. Он требует серьезных раздумий и переосмысления многих стереотипов массового сознания» [3, с. 3]. И этот процесс, как говорится, пошел.

Наконец, и отечественные экономисты перестали стесняться и жаловаться на «отмену» политической экономии и собрались для обсуждения актуальных проблем развития политэкономического знания. В Москве 16-17 апреля 2012 г. состоялся Первый международный политэкономический конгресс стран СНГ и Балтии. Организатором Конгресса выступила Международная политэкономическая ассоциация, соорганизаторами — Институт экономики РАН, экономические факультеты Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета, Южный федеральный университет, Московский финансово-юридический университет, Вольное экономическое общество России, Новая экономическая ассоциация и фонд «Альтернативы». В работе Первого международного политэкономического конгресса приняли участие более 500 участников — представителей академической и вузовской науки из 40 регионов России, а также более 30 зарубежных экономистов из Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Украины, США и Франции.

К ключевым результатам конгресса следует отнести многостороннее обсуждение путей социально ориентированного развития во взаимосвязи проблемы человека как субъекта творческой деятельности. Внимание доклад-

¹ На Западе вместо традиционной политической экономии стала развиваться так называемая новая политическая экономия, которая больше похожа на научный анализ экономической политики «теорию экономического политик». Так, Джеймс Бьюкенен в новую политическую экономию включает: 1) теорию общественного выбора; 2) экономическую теорию прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическую экономию государственного регулирования; 5) неинституциональную экономическую теорию; 6) новую экономическую историю [8 с. 171].

чиков и выступающих было сконцентрировано на одном из важнейших условий развития — на формировании человеческого потенциала для успешного развития экономики и общества. Кроме того, участники конгресса попытались проанализировать экономические причины назревающего социального конфликта, к которым они, прежде всего, отнесли известные структурные диспропорции национального хозяйства России, гипертрофированное развитие сырьевых отраслей по сравнению с секторами обрабатывающей промышленности. В дискуссиях на конгрессе подчеркивалось, что политэкономия — наука, принципиально открытая для диалога с другими общественными науками, для использования их языков, методов, подходов. И в этом ее важное преимущество перед «экономическим империализмом» неоклассики, навязывающей свой специфический подход другим общественным наукам. Таким образом, сегодня процесс возрождения политэкономического знания активно развивается. И примечательно то, что российские ученые сразу включились в этот процесс, а не оказались на его обочине, как всегда. Тем острее стоят дискуссионные вопросы политической экономии.

К вопросу о начале политической экономии

С чего начинается политическая экономия? Вот актуальный вопрос, на который можно услышать самые разные ответы. Сегодня почему-то популярным стало называть первооткрывателем политической экономии Антуана де Монкретьена, который в 1615 г. выпустил свою единственную книгу «Трактат по политической экономии». Конечно, он, возможно, был первым, кто случайно наткнулся на этот термин. Но и что толку? Об этом Монкретьене, «малозначительном авторе XVII века», по мнению Й. Шумпетера [42, с. 25], очень трудно найти в литературе что-либо вразумительное. Пожалуй, исключение составляет издание «Мировая экономическая мысль сквозь призму веков», где в 1 томе даются выдержки из единственного труда Монкретьена и небольшой очерк о нем М.А. Слудковской. Последняя пишет, что «Трактат» Монкретьена последний раз был переиздан лишь в 1889 г. Однако, далее пишет, вероятно единственный отечественный читатель этого трактата, «старофранцузский язык, стиль многовековой давности, бесчисленные подробности делают чтение произведения Монкретьена чрезвычайно долгим и трудным» [20, с. 168]. Да и сами приводи-

мые выдержки из «Трактата» убеждают в том, что это всего лишь набор многословных, порой изысканных советов «королю и королеве» в обычном меркантилистском духе.

Теперь все же выясним — с чего начинается политическая экономия. Наиболее точный и квалифицированный ответ на этот вопрос дает ныне почти забытый крупнейший советский политэконом И.И. Рубин. «Она началась, — пишет Рубин, — с рассуждений и споров меркантилистов XVII в. о заработной плате, о прибыли, о ренте, т. е. она началась с вопросов, относящихся к распределению совокупной стоимости между различными общественными классами. Она отражала борьбу общественных классов за их позиции в данной системе производственных отношений людей. Политическая экономия сложилась в результате ожесточенной борьбы разных классов и групп. Она сложилась как наука о заработной плате, прибыли, ренте, словом, как наука о системе стоимостей, или производственных отношений людей» [30, с. 85]. Но начало политической экономии в строгом смысле слова Рубин связывает исключительно с Адамом Смитом и его трудом «Исследование о богатстве народов» (1776 г.). Именно выделение труда как основы экономического процесса и, соответственно, политической экономии составляет заслугу классической школы политической экономии. «В труде, — пишет Рубин, — они нашли глубокую скрытую основу всех экономических явлений и своею теорией трудовой стоимости заложили основы политической экономии, как науки социальной» [32, с. 280].

Таким образом, классическая политическая экономия как наука начинается с Адама Смита и заканчивается анализом товарно-капиталистического хозяйства, который осуществил Карл Маркс. Так мы выяснили, с чего начинается политическая экономия, но на вопрос «Что такое политическая экономия?» до сих пор нет однозначного ответа.

Что изучает политическая экономия?

В российской научной традиции, если не включать в эту традицию Розу Люксембург, на вопрос «Что такое политическая экономия?» пытались ответить уже два раза. Первый был И.И. Скворцов-Степанов, который посвятил ему специальный доклад в 1925 г. Позиция И.И. Скворцова-Степанова, состоящая в расширительной трактовке предмета политической экономии и отвергнутая на дискуссии 1925 г. почти всеми ее участниками, каким-то странным образом стала основой для даль-

нейшей советской политической экономии¹. Вторым был Л.А. Леонтьев, выпустивший под таким названием (но уже без вопросительного знака) книжку в 1956 г. Этот автор оказался более осторожным и, возможно, более квалифицированным политэкономом, но, тем не менее, допустил в угоду времени и себе ряд бездоказательных пассажей. Например: «В эпоху капитализма существуют три основных направления в экономической науке: буржуазная политическая экономия, пролетарская политическая экономия и мелкобуржуазная политическая экономия» [16, с. 11]. Но ведь очевидно, что не может существовать одновременно три разных науки с одним и тем же названием, изучающих один и тот же предмет. Один предмет изучения имеет одну науку. Таким образом, две попытки ответить на вопрос «Что такое политическая экономия» оказались неудачными.

Итак, если соглашаться с мнением, что политическая экономия как наука начинается с Адама Смита, то вот уже более 200 лет в этой науке идет нескончаемый спор о ее предмете. Но надо все же как-то выбираться к ясности. Волей-неволей приходится обратиться к традиционной теме, с которой начинались все учебники политической экономии, к предмету этой науки. На этот сюжет написано изрядное количество литературы, но, видимо, ясности почему-то не хватает. Ограничимся в основном рассмотрением русской литературы по этому вопросу, ибо она ближе нам.

Если обратиться к старым русским политэкономам, то можно обнаружить в их работах более конкретные определения политической экономии. Так, М.И. Туган-Барановский пишет: «Изучая отношения хозяйства, политическая экономия вторгается в сферу хозяйственных интересов, являющихся, при господствующих условиях общественной жизни, наиболее мощными и доминирующими интересами современности. Но при наличии глубокого и неустранимого антагонизма хозяйственных интересов, характерного для существующего строя хозяйства, выводы политической экономии не могут не вступать в столкновение с хозяйственными интересами тех или иных групп населения» [40, с. 1-2]. Очень близка к этому позиция И.И. Янжула, утверждавшего, что в науке политической экономии следует «искать ответов и разъяснений на ... вопрос о пользе или вреде покровительственных пошлин, о причинах, которыми вызвано их существование, и, наконец, о необходимости или

бесполезности их удержания и о их наиболее разумной организации» [44, с. 372]. Таким образом, политическая экономия изучает то, что связано с определенными экономическими интересами определенных групп, слоев и классов людей.

Из старых экономистов очень давно и очень точно это выразил Д. Рикардо. В письме к Т. Мальтусу 9 октября 1820 г. он писал: «По вашему мнению, политическая экономия есть исследование о природе и причинах богатства; я думаю, что ее следует скорее назвать исследованием о законах, на основе которых продукт труда распределяется между классами, участвующими в его создании» [28, с. 110-111].

И действительно, если политическая экономия изучает отношения между людьми в производстве, т. е. производственные отношения, то изучение это идет вокруг вопроса о «пользе или вреде» той или иной экономической ситуации для определенных больших групп людей. Политическая экономия не может изучать поведение отдельного человека, индивидуума, поскольку их бесконечное разнообразие в конкретной практике не есть научное изучение. Научно изучать экономическое поведение людей возможно, лишь абстрагируясь от многих личностных характеристик и объединяя этих людей в большие социальные группы, в классы. Политэкономический подход к анализу социальных явлений по сути своей есть осмысливание и объяснение определенных экономических явлений и процессов с точки зрения политических интересов народа, отдельных его слоев и классов. Именно это дает понимание объективных закономерностей экономического и социального развития общества.

Политическая экономия и экономическая политика

Исчезновение или угасание политической экономии как «общетеоретической дисциплины и науки» в развитых странах Запада, возможно, есть свидетельство снижения напряженности социального противостояния, демократизации форм классовой борьбы, исчезновения самих классов и, наконец, страшно выговорить, угасания рыночной экономики. Возможно, рынок и собирается в текущем столетии угаснуть, но пока еще нигде не угас. А Россия, напротив, уже который год бодро осваивает рыночные премудрости. Так что для России вопрос о судьбе политической экономии особенно актуален.

Некоторые политэкономы, пытаясь активно влиять на сегодняшнюю экономическую по-

¹ Подробнее об этой дискуссии см. в нашей статье [11]

литику, любят говорить, что они занимаются наукой, а не политикой. Это верно при самом общем первом подходе. Конечно, они не занимаются политикой в смысле борьбы за власть в качестве партийных или сугубо политических деятелей. Но они занимаются экономической политикой (а это основная, главная политика) как экономические идеологи. Политэконом — не политик, но он анализирует и оценивает экономическую политику, которую проводит то или иное правительство. Значит, он оценивает политическую линию правительства в экономической области. Значит, хочет этого политэконом или не хочет, но он вынужден вторгаться в политическую сферу — то есть с помощью политэкономического анализа констатировать, что в результате данной экономической политики государства выигрывают такие-то социальные слои и классы, а проигрывают такие-то. Так, от введения горизонтальной шкалы подоходного налога вместо прогрессивной существенным образом выиграли богатые слои населения. Политэконом может констатировать, что введение для всех ставки подоходного налога в 13% означает проведение экономической политики в интересах исключительно состоятельного класса. Таким образом, профессиональный политэкономический анализ приводит к актуальному политическому выводу. При этом политэконом действует, однако, не как актуальный политик, а как ученый, социальный мыслитель, экономический идеолог. И если у политэнома есть сердце, ум и гражданская позиция, то он не может оценивать положительно экономическую политику, в результате которой экономика России оказалась в затяжном кризисе, а население ее ежегодно сокращается на сотни тысяч человек. Может быть, поэтому и отменили политическую экономию «как общетеоретическую дисциплину»?

Экономическая политика государства также есть выражение определенной экономической идеологии, тех или иных теорий и концепций, сформулированных в научных или политических трудах. Или просто в головах государственных деятелей тех стран, где общественная наука развита слабо, и правящие деятели опираются, главным образом, не на результаты науки, зафиксированные в монографиях и учебниках, а на собственное понимание и интуицию, но прежде всего на житейский опыт и национальные традиции. Справедливо такое общество называют традиционным. Но в традиционном обществе нет науки политической экономии. Политическая экономия бази-

рует свои исследования и выводы на изучении и анализе теорий и концепций, которые уже стали историей и в той или иной мере воздействовали на формирование определенной экономической политики.

Таким образом, политическая экономия есть по сути дела экономическая идеология наиболее прогрессивного класса в классовом обществе, т. е. в обществе, которое осваивает товарное производство и рыночный механизм. Когда-то таким классом была буржуазия, и политическая экономия была идеологическим обоснованием и прикрытием ее борьбы за господствующее положение в обществе. Когда такое господство было достигнуто полностью в начале XX в. (если брать христианский мир, то окончательно феодальные отношения в нем были сломлены только в 1917 г. в России), то политическая экономия как таковая перестала развиваться, но окончательно не утратилась. В ее поле зрения оказались проблемы не развития рыночных отношений и товарного производства, а наоборот — проблемы государственного регулирования рынка, его ограничений, «провалы рынка». Класс, который оказался заинтересованным в этих проблемах, — не столько рабочий класс, сколько вообще трудящиеся или, точнее, средние слои современного общества. Политические их интересы состоят не столько в поддержании рыночного равновесия и рыночного саморегулирования (хотя в какой-то части это тоже их интересы), сколько в укреплении государства и государственной или общественной поддержки таких нерыночных сфер, как культура, образование, наука, здравоохранение и др. Эти политические интересы в современном западном обществе и выражает социал-демократия. Поэтому представляется, что актуальный вывод из современной политической экономии возможен в понятиях и категориях социал-демократизма как социально-экономической концепции современного общества.

Экономикс и политическая экономия

По этому вопросу в современной литературе накопилась изрядная коллекция самых решительных взглядов. Есть, например, и такой: «Экономикс — это примитивная шпаргалка по экономической науке и практике» [9, с. 77]. Есть, конечно, и более скромные представления. В дискуссии о судьбе политической экономии есть один любопытный момент, который способен пролить некоторый свет на вопрос по поводу экономикс и ее соотношения с политической экономией. Этот вопрос в на-

шей литературе сегодня широко и живо обсуждается. «В настоящее время, — пишут, например, А.И. Татаркин и В.Л. Берсенёв, — продолжается так называемый „терминологический спор“ на тему, что первично: политическая экономия или *economics*. Можно даже утверждать, что за противостоянием двух терминов стоит идеологическая непримиримость адептов Карла Маркса, с одной стороны, и Альфреда Маршалла, с другой... Данный спор интересен хотя бы тем, что побуждает у сторонних наблюдателей желание выяснить, что же скрывается за тем и другим термином в ретроспективном плане» [38, с. 5]. Однако, думается, что вопрос этот более сложен и интересен, чем просто «терминологический спор». Вопрос этот упирается в диверсификацию экономического знания, в специализацию отдельных экономических дисциплин.

Как представляется, наука, которая изучает производительные силы (общественную технику), — это и есть экономикс. Она демонстрирует аналитический подход в изучении функциональных связей в экономике, объясняет «как это делается», т. е. дает аналитику, но не объясняет, «почему это делается». Именно так писал Рубин, имея в виду математическую школу: «Она не спрашивает, почему изменяется цена, но лишь показывает, как происходят параллельные изменения цены, с одной стороны, и спроса и предложения, с другой» [32, с. 184]. Разумеется, вряд ли Рубин предвидел, собственно, экономикс, но его обоснование второй экономической науки наряду с политической экономией можно рассматривать как гениальный прогноз. Политическая экономия и экономикс должны не замещать друг друга, а существовать вместе. Аналогию можно подобрать из области архитектуры и строительства. Архитектор — как политэконом в строительстве, он создает общий проект здания, его предназначение и особенности, привязку к окружающей сфере и т. п. Инженер-строитель — как аналитик, решает конкретные вопросы техники строительства: как соединить строительные элементы, как рассчитать нагрузку на несущие конструкции, как проложить отопительные и сантехнические системы и т. п. Архитектор объясняет — что это за здание и для кого. Инженер-строитель объясняет — как строить это здание.

В этой связи представляются излишними попытки некоторых авторов как-то дополнить (или «синтезировать») экономикс и политическую экономию. Это разные науки, с разным предметом исследования, и нет никакой необ-

ходимости их объединять или заменять одно другим. Так, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, правильно разводя экономикс и политическую экономию в силу различия их предмета, все же считают, что «ряд объектов этих наук совпадает: и та, и другая анализируют процессы движения товаров (продуктов, услуг) и акторов этого процесса (человек, государство...)» [5, с. 12]. Но дело в том, что экономикс действительно анализирует движение товаров, а политическая экономия изучает (объясняет) отношения между людьми, которые возникают в связи с движением товаров. Объект, конечно, один и тот же, как, впрочем, у всех экономических наук, но предмет разный.

Кроме всего прочего Рубин пролил некоторый свет на вопрос: почему «на Западе» стал сегодня моден так называемый аналитический марксизм? Приведем цитату, хоть несколько длинную, но многое проясняющую. Внимание Маркса, пишет Рубин, «направлено на анализ социальных форм хозяйства и на законы их возникновения и развития, на «действительный процесс образования форм (*Gestaltungsprozess*) в различных его фазах». Этот генетический (или диалектический) метод, включающий в себя и анализ и синтез, Маркс противопоставляет односторонне-аналитическому методу классиков. Особенность этого генетического метода Маркса заключается, как видим, не только в его историческом, но и в его социологическом характере, в пристальном внимании к социальным формам хозяйства» [32, с. 41-42]. Рубин указывает, что одна сторона экономического марксизма — аналитическая — сделанная в духе и стиле классиков, получившая сегодня название аналитического марксизма, вполне безболезненно вписывается в основное течение экономической науки (мейнстрим). Но другая сторона марксизма, которая занимается изучением социальных форм, как раз и составляет величайшее достижение Маркса. И надо сказать, что эта социологическая сторона марксизма стала предметом всеобщего интереса лишь во второй половине XX столетия. Но Рубин был одним из первых, кто указал на ее значение.

О политической экономии социализма

Л.И. Абалкин, вспоминая академика А.М. Румянцева как крупного деятеля политической экономии социализма, заметил: «Меня волнует и беспокоит больше всего — это попытка в очередной раз создать пустыню в истории отечественной мысли. Мы не раз этим занимались. Мы помним о горьких уроках про-

шлого. Но сегодня хотим устроить очередную пустыню, вычеркнув несколько десятилетий в развитии экономической, философской, социологической мысли в нашей стране. Это — очень опасная затея» [1, с. 156]. Вот сегодня и вычеркнули политическую экономию социализма, которую в нашей стране можно датировать с конца XIX в., с работ М.И. Туган-Барановского, хотя, как сообщает М.Г. Покидченко, официальное признание политической экономии социализма произошло в 1936 году [22, с. 545]. Правда, в конце XIX — начале XX вв. такого термина еще не было, но обсуждение экономических проблем «лучшего будущего» достаточно активно уже шло в научной литературе.

К сожалению, после революции 1917 г. уже в 20-е гг. многих экономистов конца XIX — начала XX вв. вычеркнули и забыли. Конечно, М.И. Туган-Барановского вычеркнуть и забыть было сложно, но В. Дмитриева, А. Кауфмана, А. Чупрова и некоторых других забыли основательно. Затем уже в 40-50-е гг. «забыли» многих выдающихся экономистов 20-х годов: В. Базарова, В. Громова, Н. Кондратьева, Е. Преображенского, И. Рубина, Е. Слуцкого, А. Чайнова, Г. Фельдмана и др. Да и сегодня кроме Н. Кондратьева и А. Чайнова других вспоминать не спешат. Хотя почему-то вспомнили А. Шторха и еще 2-3 фамилии людей, которые занимались скорее компиляциями, чем оригинальным научным творчеством. Зато сегодня упорно вычеркивают таких деятелей советской политической экономии, как В.Г. Венжер, Л.М. Гатовский, Я.А. Кронрод, В.В. Новожилов, А.И. Ноткин, Н.А. Цаголов и др. Это очень опасная затея: кого будут вычеркивать завтра?

Известно, что советская политэкономия состояла из двух частей: политэкономии капитализма и политэкономии социализма. Сегодня по этому поводу существуют разные оценки. Наиболее распространенная состоит в следующем. Политэкономия капитализма в целом изучала реальные экономические процессы, имевшие место в капиталистических странах Запада, там все же был предмет для изучения. Политэкономия социализма изучала неизвестно что. Но ведь она была! Что она изучала? Конечно, можно сказать, что она изучала советскую экономику. Но была ли советская экономика экономикой социалистического общества? Вот в чем вопрос. Ведь политэкономическое изучение — это не столько аналитическое знание, а по преимуществу онтологическое. Политэкономия призвана объяснять существенное в экономическом бытии и фор-

мулировать оценочные суждения. А советское бытие еще ждет своего научного объяснения, в отличие от экономического бытия капиталистических стран. Хотя и в той и другой политэкономии было много схоластики и болтовни, официальной идеологии и ложной фразеологии и т. д. и т. п., но разобраться во всем этом пора.

Думается, что понять и оценить сегодня труды советских ученых о политэкономии капитализма легче и проще. Если отбросить просто пустые и конъюнктурные произведения, то серьезные труды в этой области можно расценивать как более или менее полный пересказ и обобщение достижений западной экономической мысли. Но даже и эти хорошие и честные книги часто подвергались жесткой критике со стороны блюстителей «чистоты марксизма-ленинизма». В пример можно привести прекрасную книгу Е.С. Варги «Очерки по проблемам политической экономии капитализма» (М., 1964), которую, несмотря на высокое академическое положение автора, пытались ошельмовать в советской печати.

Но особый интерес, конечно, представляет политическая экономия социализма, которую кому-то хотелось бы выбросить и забыть. Но не получается. Тоже вопрос — почему? Потому ли, как считает В.А. Медведев, что «политическая экономия социализма имеет право на существование в том виде, в каком это соответствует современным общемировым реалиям» [25, с. 62]. Или потому, что «эта наука полезна для понимания будущего, которое называют постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим обществом» [6, с. 667]. Но зачем в постэкономическом обществе экономическая наука во главе с политической экономией?

Дело в том, что многие, особенно зарубежные, исследователи советского общества называют его по привычке социализмом, а науку, которая его описывает — «политической экономией социализма». Так все это называлось в советский период. Это было самоназвание. И научная задача состоит в том, чтобы выяснить, насколько самоназвание «политическая экономия социализма» соответствует истине. Поэтому использование в данном тексте термина «политическая экономия социализма» носит технический, условный характер. А вот что под ним скрывалось в реальности — есть задача научного исследования.

Развитие отечественной экономической теории невозможно без обращения к ее состоянию советского периода, и прежде всего

к политической экономии социализма как ее составной части. За последние годы появилось несколько публикаций, в которых делается серьезная попытка подойти к оценке советской политической экономии социализма (см. [13, 14, 18, 22, 25, 27 и др.]). К сожалению, не все публикации отвечают высоким научным требованиям. Если оставить за рамками рассмотрения откровенно конъюнктурные опусы, то можно обнаружить и немало просто слабых работ, несмотря на то, что их авторы искренне хотели бы разобраться в «блеске и нищете» политической экономии социализма.

Новое исследовательское поле политэкономии

Проблема, видимо, состоит в том, чтобы определить место и роль политической экономии в системе современного экономического знания. Возможно, и более широко — в системе социального знания, т. е. беря политическую экономию как особый метод познания действительности.

Данная проблема распадается на две части или задачи.

Проблемная часть. Традиционно в советской экономической науке специальные подразделения с аналогичным названием, как правило, исследовали более или менее общие проблемы с точки зрения политической экономии, т. е. использовали последнюю как метод исследования конкретных проблем. Такой подход, хотя и чрезмерно расширял задачи политэкономии, вовлекая в свой круг исследований слишком большой набор различных проблем, но для своего времени был оправдан. Это напоминало времена, когда политэкономия отождествлялась со всей экономической наукой. Сегодня такой подход малопродуктивен, ибо множество экономических категорий (цена, рента, деньги, труд и т. д.) в политэкономическом отношении достаточно исследованы и ныне в основном являются предметом инструментальных исследований (макро- и микроэкономики, менеджмента и т. п.). Конечно, категории сугубо рыночной экономики продолжают развиваться (трансформироваться), что вполне может быть предметом политэкономического исследования.

Но появляется новый класс проблем на границе рынка и нерынка (квазирынка), исследование и осмысление которых может составить новое проблемное поле собственно политэкономического исследования. Значит, изменяется проблемное поле политэкономического исследования. Отказываться от проблемного

подхода нет смысла, ибо пока появляются новые существенные проблемы, требующие политэкономического анализа. Выделение и исследование этого круга проблем, думается, и может быть новой задачей политэкономии.

Синтетическая (методологическая) часть. Кроме того (или прежде того), новые времена требуют возвратиться к уяснению места политэкономии в системе общественных наук, т. е. к уточнению ее границ и метода. Вопросы предмета и метода самой политэкономии в советской парадигме считались решенными и за весь послевоенный период научно не разрабатывались. За исключением некоторых второстепенных вопросов. Например, в какой мере включать производительные силы в предмет политэкономии. Однако, считать, что роль политической экономии с XIX в. никак не изменилась, просто не реально. Но вот в чем и как изменилась эта роль — еще одна задача сектора политической экономии. Возможно, даже главная.

Таким образом, конкретные исследования в области политической экономии могут концентрироваться по следующим направлениям:

1. Рассмотрение политической экономии как специфического (особого) метода исследования социально-экономической реальности, то есть уточнение ее места и роли в системе социальных наук. Проблема интеграции социального знания.

2. Понять и оценить отечественную политэкономия советского периода. Там, конечно, было много ерунды, но возможно было и что-то интересное. Например, попытка исследовать и понять социально-экономический строй СССР.

3. Анализ возможностей марксистских и постмарксистских исследований для понимания реалий современного мира и его трансформаций.

4. Поиск нового поля политэкономических исследований в условиях завершения индустриальной эпохи. Таковыми могут быть проблемы: «провалы рынка», сочетание экономизма и социальности, в том числе «внешние эффекты», «общественные (опекаемые) блага», проблемы социально-экономической дифференциации и равенства (неравенства), социальной справедливости и экономической эффективности, среднего класса, «проектирования институтов», смешанной экономики и гражданского общества и т. д.

5. Проблемы взаимосвязи политической экономии с экономической ролью государства и формированием экономической политики.

Проблема социально-экономических альтернатив и «общественного выбора».

6. Глобализация и интернационализация экономики, новые рынки, проблемы экономического развития.

К постклассической политической экономии

Отмена (почти запрет) политической экономии как научной и учебной дисциплины внесла некоторую растерянность и даже разброд в рыхлые ряды постсоветских политэкономов и экономтеоретиков, которые в большинстве своем — те же самые политэкономы. Многие с кислым выражением принялись осваивать западную экономикс, некоторые исподтишка втискивают в нее старые, проверенные жизнью и опытом политэкономические категории, некоторые отчаянно сопротивляются. У большинства стоит в душе стон: верните нам политическую экономию!

Почему стон? Конечно, этому есть много причин. Назову, может быть, главную. Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором рекомендаций и указаний — что и как надо делать в народном хозяйстве, но, прежде всего, помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества. Со всей очевидностью это проявилось в дискуссии между народниками и марксистами. С тех пор политическая экономия в российской традиции несет мировоззренческую или философскую нагрузку.

Конечно, это не только русская традиция. И на Западе политэкономия выполняла эту функцию. Но сегодня на Западе мировоззренческая функция политической экономии отошла к другим социальным наукам и прежде всего к социологии. Возьмем книги известных западных социологов: Д. Белла, И. Валлерстайна, Р. Дарендорфа, Л. Туроу и др. — эти с нашей точки зрения типичные политэкономические труды. С другой стороны, возьмем книги наших политэкономов (Л. Абалкина и др.), с западной точки зрения — это типичные социологические работы.

Таким образом, хотя социология у нас интенсивно развивается больше 50 лет, но до мировоззренческих обобщений она пока не поднялась. Эту функцию продолжает выполнять политическая экономия. Это наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия составляет основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономичес-

кой науке, где почти всем очевидно, что политическая экономия составляет ее фундамент. И естественно, что отмена политической экономии разваливает не только экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор различных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку. Вместо дерева экономической науки получается сад камней.

Конец классической политической экономии на Западе, конечно, не есть «происки классовых врагов», а есть объективный процесс изменения западного мира и рыночной экономики прежде всего. Политическая экономия, как известно, изучает отношения людей, прикрытые вещной формой. И дело в том, что эта форма в современном западном обществе истончается и трансформируется, соответственным образом трансформируются функции политической экономии. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, расширение среднего класса не только гасит классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. А еще в начале XX в. С. Булгаков замечал, что социальный вопрос составляет главную проблему политической экономии. Сегодня его содержание существенно меняется. Меняется, но еще не изменилось. Трансформируются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Так, например, появление и распространение фидуциарных денег ставит под сомнение основу рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем не становится меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками. К примеру, фидуциарные деньги — это предмет политической экономии или политологии? То же и в отношении социальных классов, которые, по выражению Ж. Дерриды, оказались разрушенными капиталистической современностью.

Однако, утверждая, что проблемное поле классической политической экономии истончается, тем не менее, надо признать, что оно еще существует и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т. п. Или, например, проблема

материального производства. Известно, что в сфере материального производства занято все меньше и меньше людей. Куда исчезает материальное производство? Политическая экономия занимается отношениями людей в материальном производстве (вещной формой), но исчезновение последнего должна объяснять политическая экономия. Сохраняется ли индустриальное ядро в современной экономике? Если нет, то как вообще можно представить себе экономику? Может ли быть «общество знаний» без промышленности?

Возможно, ответ на эти вопросы лежит в проблеме сужения докапиталистической периферии. Капитализация мировой деревни (и третьего мира в целом) раздвигает поле политэкономического исследования на периферию капиталистической миросистемы. На место этнографии приходит политическая экономия, которая призвана решить (или объяснить) проблему накопления и перемещения капитала от центра к периферии и возможности реализации прибавочной стоимости.

Но в политической экономии появляются новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. Приведем некоторые названия работ в этой области: политическая экономия пространства, политическая экономия выбора (общественного выбора), политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, политическая экономия демократии и т. п. Таких работ множество, не все они удачны, но характерная их особенность состоит в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать ранее не свойственные ей проблемы.

Еще в начале XX в. Туган-Барановский предусматривал, что в пострыночном обществе политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики. Любопытно, что в СССР с конца 1920-х гг. стала развиваться концепция политической экономии «в широком смысле», как бы пригодная для пострыночного общества. Можно также заметить, что данная концепция онтологически весьма близка к «новой политической экономии» Дж. Бьюкенена.

Пожалуй, самое важное. Сегодня появилось новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии:

1. Есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления. Т. е. нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Другими словами, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии (или богатством становятся самопредставляемые вещи).

2. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага («опекаемые блага»), для которых создается «квазирынок». Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше называть постклассической.

Политэкономия и национальный характер

В современной литературе поставлен вопрос и о национальном характере политической экономии, который в последнее время приобрел некоторую остроту. Здесь стоит выделить работы профессора В.Т. Рязанова из Санкт-Петербургского университета, посвященные обсуждению исторического значения «русской школы национальной экономии или политической экономии особенного» [34, с. 38]. Автор справедливо считает, что заслуга данной школы состоит в разработке альтернативного варианта осуществления программы обустройства России «через проведение не либерально-рыночных, а национально-ориентированных реформ». Речь идет о разработке модели экономики с «неоднородной структурой». «Этим, — пишет автор, — предлагался курс реформ, опирающийся не на достижения каких-либо абстрактных целей, а на реальные возможности и приоритет национальных интересов» [34, с. 42]. Конечно, учет национальных особенностей при формировании и развитии современной экономической теории России является настоящей потребностью времени. Для России пагубно простое и бездумное копирование американской экономики. Россия, как известно, не Америка. Но трудно согласиться с конечным выводом автора, что главное направление исследовательской традиции в русской экономической школе или «политическая экономия особенного превратилась через философию хозяйства в «богословие хозяйства», обозначив по сути дела возвращение к поискам христианских оснований

экономической деятельности» [34, с. 43]. Что называется, приехали — от политэкономии в христианство.

При этом некоторые авторы как бы впадают в крайности национализма и «самобытности». Именно этим характеризуются в своем роде оригинальные работы профессора МГУ В.М. Кулькова. Он считает, что должна быть создана экономическая теория «национального экономического строя», куда входят «и особые национальные экономические законы». Автор также полагает, что должен проявиться и «национальный стиль исследования» и «особенности национального экономического мышления» [15]. К сожалению, профессор В.М. Кульков не проясняет, что такое «национальный экономический строй», «национальный стиль исследования» и «национальное экономическое мышление». Неужели теперь экономический строй какой-либо страны надо различать не по способу производства, не по характеру и степени развития техники и технологии производства, а по ее географическому расположению и климату? Неужели экономическое мышление можно разделять по национальному или расовому признаку? То есть, если, допустим, человек жил в Москве и работал ученым в МГУ, то, значит, он обладал русским экономическим мышлением и владел русским «национальным стилем исследования». А потом, переехав в Париж и работая в Сорбонне, получив при этом французское гражданство (т. е. став французом), этот же человек сразу начинает мыслить по-французски. Какая-то странная логика.

Политэкономия в отечественной интеллектуальной традиции

Использование термина и понятия «политическая экономия» является отечественной научной традицией. Наверное, начиная с Н. Чернышевского общетеоретические экономические исследования в России развивались как политэкономические. К этому кругу понятий привыкли отечественные исследователи, за более чем 150-летний период выработан понятийный аппарат, инструментарий, набор категорий и понятий.

Переименование многих бывших кафедр политической экономии в кафедры экономической теории носит в большинстве случаев поверхностный, конъюнктурный характер. Там же, где в действительности отказались от политэкономии, преподавание свелось к пересказу компиляций из западной экономикс, малоприменимой к реальной российской экономике. Отказ от понятия «политическая

экономия» надолго дезориентирует отечественных экономистов и преподавателей, в конечном счете окончательно сведет русскую экономическую мысль к моделям западной экономикс.

Суть политэкономического подхода в отечественной (и не только в отечественной) общественной науке заключается в том, что при изучении соответствующих проблем захватываются их социальные и политические аспекты. Это не только то, что сегодня называют маркоэкономикой или микроэкономикой, но и то, что в западных странах обычно изучается в курсах политики, истории и, особенно, социологии. У нас же нет такой традиции.

В англосаксонской практике преподавания многие вопросы, которые у нас изучает политическая экономия, относятся к социологии. У нас же социология не имеет такого развития и широты охвата. Отказ от понятия «политическая экономия» поведет к тому, что многие проблемы вообще не будут изучаться.

В отечественной экономической науке сложилась определенная схема, классификация, традиция в соотношении различных ветвей. Конечно, эту схему можно совершенствовать и развивать, что будет означать большую детализацию, уточнение, наконец, усложнение. Простая замена термина «политическая экономия» на термин «экономическая теория» упрощает схему экономических наук. Тогда по логике остаются лишь два направления — «экономическая теория» и «экономическая практика», что делает всю схему очень примитивной. Более того, такая замена требует все экономические специальности паспорта ВАК свести к двум: теория и практика. Все это внесет очень большие трудности в определении специализации каждой диссертационной работы. ВАК значительно прибавит себе работы и проблем.

К сегодняшнему дню у нас и так очень много всего переименовали и изменили. Далеко не все оказалось к лучшему. И в случае переименования политической экономии следует поступать осторожно: семь раз отмерить. Прежде всего следовало бы спросить об этом научную и преподавательскую общественность. Необходимо провести серию круглых столов, семинаров, наконец, всероссийскую научную конференцию.

В отказе от термина «политическая экономия» просматривается исключительно политический ход: пересмотреть все, что было раньше. Но глупо отказываться от старого только в угоду новому экстремизму.

И еще. Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что, в общем и целом, она была возвращена в лоне марксизма. Как отмечал еще Н. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции. Российскому интеллигенту в начале XX века, чтобы выглядеть современно и умно, надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор много утекло воды. Был Сталин, который уничтожил многих марксистских интеллигентов (Е. Преображенский, И. Рубин и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Л. Мизес, Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская ин-

теллигенция, пронизанная марксизмом — дело осталось за политической экономией.

Но речь должна идти не о воссоздании марксистской политической экономии. Такой нет и быть не может. Маркс был критиком классической политической экономии, он создал ее завершение, вершину. Выражение «пролетарская политическая экономия» бессмысленно, ибо цель пролетариата состоит в упразднении классов и, стало быть, самого себя (Д. Лукач). Вот этот процесс уничтожения («снятия») классов и вещного мира и призвана объяснять постклассическая политическая экономия, которая корнями уходит в марксизм.

Список источников

1. *Абалкин Л. И.* Зигзаги судьбы. Разочарования и надежды. — М.: ИЭ РАН, 1996.
2. *Абалкин Л. И.* Политическая экономия // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. — М.: Советская энциклопедия, 1979.
3. *Абалкин Л. И.* Размышления о будущем России. — М.: ИЭ РАН, 2009.
4. *Абалкин Л. И.* Стратегия. Выбор курса. — М.: ИЭ РАН, 2003.
5. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Открытость политэкономии и империализм mainstream'a: economics как прошлое // Горизонты экономики. — 2012. — № 2.
6. *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Пределы капитала. Методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии. Избранные тексты. — М.: Культурная революция, 2009.
7. *Булгаков С. Н.* Задачи политической экономии // Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии. Т. 1. От марксизма к идеализму. — М.: Наука, 1999.
8. *Бьюкенен Дж.* Конституциональная экономическая теория // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. — М.: Инфра-М, 2004.
9. *Валовой Д. В.* Блеск и нищета политэкономии. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2003.
10. *Воейков М. И.* И. И. Рубин и методологические проблемы политической экономии. Рефлексия дискуссий 1920-х гг. // Журнал экономической теории. — 2012. — № 2.
11. *Воейков М. И.* О классовом подходе и классах в современной России. — М.: ИЭ РАН, 2007.
12. *Дзарасов Р. С.* Три дня в Стамбуле. Идеи, город, жизнь. Размышления об одной научной конференции // Альтернативы. — 2011. — № 4.
13. *Дзарасов С. С., Меньшиков С. М., Попов Г. Х.* Судьба политической экономии и ее советского классика. — М.: Альпина Бизнес Бкус, 2004.
14. *Кирдина С. Г.* Блеск и нищета политической экономии социализма. Гипотеза, основанная на институциональном анализе российского общества // Журнал экономической теории. — 2006. — № 2.
15. *Кульков В. М.* Альтернативные научные основы модернизации экономики // «Капитал» и экономикс. Вопросы методологии, теории, преподавания / Под ред. В. Н. Черковца. — Вып. 4. — М.: ТЕИС, 2011.
16. *Леонтьев Л. А.* Что такое политическая экономия. — М.: Московский рабочий, 1956.
17. *Люксембург Р.* Введение в политическую экономию. — М.: Соцэкгиз, 1960.
18. *Маневич В. Е.* Сталинизм и политическая экономия // Подвластная наука? Наука и советская власть. — М.: Изд-во «Голос», 2010.
19. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 13. — М.: Госполитиздат, 1959.
20. *Мировая экономическая мысль сквозь призму веков: в 5 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 2004.*
21. *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1956.
22. *Покидченко М. Г.* Формирование «политической экономии социализма». 20-50-е гг. // История экономических учений. Современный этап / Под ред. А. Г. Худокормова. — М., 1998.
23. *Политическая экономия как экономическая философия: учеб. пособие. — М.: ГУУ, 2009.*
24. *Политическая экономия сегодня. Быть или не быть? // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2. / Под ред. В. А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2011.*
25. *Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. Материалы дискуссии / Под ред. Бузгалина А. В., Корчагиной З. А. — М.: Экономфак МГУ, ТЕИС, 2003.*
26. *Пороховский А. А.* Политическая экономия. Размышления по поводу современных тенденций // «Капитал» и экономикс. Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 3. / Под ред. В. Н. Черковца. — М.: Экономфак МГУ, ТЕИС, 2009.

27. *Ракитский Б. В.* Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага — «рыночный социализм» — и как с ним боролась // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М. И. Воейкова. — СПб. : Алетей, 2011.
28. *Рикардо Д.* Письма к экономистам // Д. Рикардо. Соч. — Т. 5. — М. : Соцэкгиз, 1961.
29. *Рипп Г.* Политическая экономия и идеология. — М. : Прогресс, 1977.
30. *Рубин И.* Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса // Под знаменем марксизма. — 1929. — № 4.
31. *Рубин И. И.* История экономической мысли. — Изд-е 3-е. — М.-Л. : Госиздат, 1929.
32. *Рубин И. И.* Очерки по теории стоимости Маркса. — М.-Л. : Госиздат, 1929.
33. *Рубинштейн А. Я.* Введение в новую методологию экономического анализа. — М. : ИЭ РАН, 2012.
34. *Рязанов В.* Политическая экономия особенного. Начала русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал. — 2011. — № 5.
35. *Сорокин Д.* Политическая экономия для России // Российский экономический журнал. — 2001. — № 2.
36. *Струве П. Б.* Избранные сочинения. — М. : Росспэн, 1999.
37. *Сэй Ж.-Б.* Трактат по политической экономии. *Бастия Ф.* Экономические софизмы. Экономические гармонии. — М. : Дело, 2000.
38. *Татаркин А. И., Берсенёв В. Л.* Политическая экономия и esopotmics: особенное и общее // Журнал экономической теории. — 2006. — № 4.
39. Теория капитала и экономического роста / Под ред С. С. Дзарасова. — М. : Изд-во МГУ, 2004.
40. *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. — Петроград, 1915.
41. *Хайек Ф.* Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. — СПб. : Пневма, 1999.
42. *Шумпетер Й.* История экономического анализа : в 3-х т. Т. 1. — СПб. : Экономическая школа, 2001.
43. Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы круглых столов. — М. : ИЭ РАН, 2000.
44. *Янжул И. И.* Избранные труды. — М. : Наука, 2005.

УДК 330.8

Ключевые слова: политическая экономия, гражданское общество, проблема классов, экономическая политика, экономикс, национальный характер